ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Монгольский «Белый слон»: организация доставки рогатого скота, переданного в дар голодающему Поволжью правительством Монгольской республики в 1921-1923 гг.

Циденков Г. Г.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть малоизученные аспекты помощи Монголии голодающим Советской России в 1921-1923 гг. В статье подробно рассматривается вся тяжесть доставки подаренных Монгольским Революционным правительством стад крупного рогатого скота в голодающие губернии. Приемка, перегон скота на территорию Советской России и забой его обходились советской стороне дороже себестоимости самого скота. Однако в силу дипломатических и политических соображений советское правительство вынуждено было принять этот дар и заставить продовольственные и заготовительные органы Иркутской губернии выполнить в кратчайшие сроки, казалось бы, невозможную операцию. Научная новизна исследования состоит в том, что на основе впервые вводимых в научный оборот документов Государственного архива Иркутской области освещаются все стороны невероятной по тяжести операции по приемке в Монголии пожертвованного для голодающих скота и доставки его в зимних условиях на советскую территорию. В результате исследования установлено, что несмотря на колоссальные организационные трудности и большие денежные затраты Иркутские власти справились с возложенной на них задачей, и пожертвованный скот не только стал частью общей помощи Монгольской республики голодающим Советской России, но и способствовал отлаживанию взаимодействия советских и монгольских представителей власти.

EN

The Mongolian “White Elephant”: organizing the delivery of cattle donated by the government of the Mongolian Republic to the famine-stricken Volga region in 1921-1923

G. G. Tsidenkov

Abstract. The purpose of the research is to shed light on little-studied aspects of the aid provided by Mongolia to the starving population of Soviet Russia between 1921 and 1923. The article examines in detail the immense challenges involved in transporting herds of cattle – donated by the Mongolian Revolutionary Government – to the famine-stricken provinces. The costs incurred by the Soviet side for receiving the livestock, driving the herds into Soviet territory, and slaughtering the animals exceeded the actual cost of the cattle themselves. However, driven by diplomatic and political considerations, the Soviet government was compelled to accept the donation and to order the food supply and procurement agencies of Irkutsk Province to execute this seemingly impossible operation within a very short timeframe. The study offers scientific novelty by drawing on previously unpublished documents from the State Archive of the Irkutsk Region to illuminate every aspect of this grueling operation: receiving the donated livestock in Mongolia and transporting it across the border into Soviet territory during winter conditions. The research concludes that, despite colossal organizational difficulties and high financial costs, the Irkutsk authorities successfully accomplished the task; the donated livestock not only formed part of the Mongolian Republic’s broader aid effort for the starving population of Soviet Russia but also helped streamline cooperation between Soviet and Mongolian officials.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что монгольская помощь голодающим Советской России тесно связана с такими важными вопросами исторической науки как: установление и развитие дипломатических отношений Советской России с Монголией и Китаем; история иностранной гуманитарной помощи Советской

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260288

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

России во время голода 1921-1923 гг.; специфика организации доставки грузов через советско-монгольскую границу в начале 1920-х гг. Несмотря на то, что все эти вопросы взаимосвязаны, до настоящего времени они не рассматривались в их совокупности. Проведенное автором исследование не только установило прямую связь, но и выявило их взаимное влияние. Кроме того, в научный оборот впервые вводятся документы, раскрывающие всю тяжесть приемки и доставки монгольской помощи для советской стороны.

Для достижения поставленной цели исследования были последовательно решены следующие задачи:

- изучена общая помощь Монголии голодающим Советской России в 1921-1923 гг. и ее специфика;
- привлечены и проанализированы архивные материалы по организации самой сложной экспедиции доставки гуманитарных грузов из Монголии для голодающих Советской России.

Методологические основы исследования определяются фундаментальными принципами исторической науки: историзма, научной достоверности и объективности. Процесс организации и согласования приемки и доставки гуманитарных грузов из Монголии на территорию Советской России рассмотрен с позиции системного подхода как сложный комплекс согласованных действий, предпринимавшихся различными частями государственного аппарата. Идеографический метод был использован для раскрытия содержания этого комплекса действий советских властей и уполномоченных лиц по принятию и доставке пожертвования монгольских властей.

Монгольская помощь голодающим Советской России остается малоизученным аспектом как в целом истории российско-монгольских отношений, так и международной гуманитарной помощи во время голода 1921-1923 гг. История российско-монгольских отношений и международная гуманитарная помощь не могут соотноситься как часть и целое, т. к. в международной помощи участвовали другие страны. Материалы исследования представлены большей частью документами фонда Центральной комиссии помощи голодающим (далее ЦК Помгол) Государственного архива Российской Федерации и материалами фондов Государственного архива Иркутской области, где хранятся документы исполнительных и продовольственных органов Иркутской губернии, которые непосредственно контактировали с монгольской стороной по вопросам приемки и доставки пожертвованных грузов.

Теоретическую базу исследования можно разделить на две части: научные труды, содержащие сведения о монгольской помощи голодающим Советской России, и работы, посвященные установлению и развитию советско-монгольских отношений.

Обобщающие труды о монгольской помощи до настоящего времени отсутствуют, упоминания о ней встречаются только в разрозненных публикациях. Одни из самых существенных сведений содержатся в воспоминаниях Церен-Дорджи Номинханова, который сам был непосредственным участником сбора в Монголии и отправки в Россию денежных посылок, лошадей и скота (С интернациональной миссией, 1970).

Научные труды о становлении советско-монгольских отношений концентрируются в основном на их неразрывной связи с революцией и гражданской войной в России и гражданской войной в Монголии (С интернациональной миссией, 1970; Капица, Иваненко, 1965; Хишигт, 2011; Курас, 2022; Очху, 2023; Улымжиев, 1961). Большое внимание в отечественной историографии отведено действиям первых полномочных представителей РСФСР в Монголии (Орлова, 2026). Кроме того, автором были изучены исследования по развитию экономических и дипломатических связей между Монголией и РСФСР-СССР в начале 1920-х гг. (Батунаев, 2023; Нанжидмаа, Изгарская, 2025).

Практическая значимость исследования состоит в применении его материалов как в изучении истории голода в Советской России 1921-1923 гг. и установления советско-монгольских отношений, так и в преподавании курсов истории России XX в. Кроме того, полученные выводы могут быть использованы для разработки курсов по спецпредметам и краеведению.

Обсуждение и результаты

Начиная с 1919 года Советская Россия активно поддерживала революционные силы в гражданской войне в Монголии. Советские военные части принимали участие почти во всех важнейших сражениях той войны и, в немалой степени, способствовали приходу к власти Временного Народного правительства (Очху, 2023, с. 74), которое в июле 1921 г. было преобразовано в народно-революционное правительство. Еще ранее, 1-3 марта 1921 г. состоялось первое партийное совещание представителей около 150-ти монгольских коммунистов, что принято считать датой образования Монгольской Народной партии (Курас, 2022, с. 302). Новое монгольское правительство остро нуждалось в помощи для проведения самых насущных реформ: экономической, военной и образовательной. Своим главным партнером в грядущих преобразованиях оно видело Советское правительство в Москве (Нанжидмаа, Изгарская, 2025, с. 161).

Однако главным и ключевым аспектом тяготения новых монгольских властей к РСФСР, а затем к СССР, являлась посредническая функция Москвы в отношениях с Китаем и политическом признании новой республики. Несмотря на то, что Монголия провозгласила свою независимость и суверенность, она де-юре продолжала оставаться провинцией Китая. С 1921 по 1928 гг. Советское правительство вело острую политическую борьбу с Китаем по вопросу внешнеполитического статуса Монголии (Батунаев, 2023, с. 58-59). Таким образом, вся совокупность внешне- и внутриполитических проблем заставляла новые монгольские власти искать пути к налаживанию как можно боле тесных и дружеских отношений с Москвой.

Устремления монгольской стороны совпали со встречными интересами Советского правительства, которые заключались в следующем:

- понимание стратегического значения Монголии;
- задача распространения мировой революции в Азии;

- экономические интересы;
- недопущение превращения монгольской территории в убежище для белогвардейских и прочих антибольшевистских сил (Хишигт, 2011, с. 43).

Гражданская война в Монголии формально закончилась в августе 1921 года. А уже 10 августа Дамдин Сухэ-Батор и Хорлогийн Чойбалсан выступили с воззванием «ко всем монголам» жертвовать для голодающих Советской России кто сколько может. Уже через пять дней в г. Алтанбулаг было согнано 1150 голов скота (ГАРФ, ф. р-1065, оп. 3, д. 28, л. 119). Кроме того, новое монгольское правительство смогло собрать денег на сумму 75 000 рублей банковским серебром, солидную часть которых дал захваченный у барона Унгерна валютный запас (ГАРФ, ф. р-1065, оп. 3, д. 28, л. 146, 150-151). Необходимо отметить, что это был не первый сбор, организованный монгольским революционным правительством для голодающих в России. Так, по сообщению секретаря Калмыцкого областного комитета РКП(б) И. Р. Степанова-Марбуша, весной 1921 г. голодающие калмыки (пострадавшие от аномально толстого льда – «джута», покрывшего степь в зиму 1920-1921 гг.) получили денежные средства из Монголии, в которой в то время еще продолжались активные боевые действия (Красовицкая, 2007, с. 405).

В октябре 1921 г. в Москву была направлена монгольская делегация во главе с Сухэ-Батором для налаживания отношений с Советской Россией. На совместной советской-монгольской конференции, открывшейся 26 октября 1921 г., был выработан дружественных договор между странами (Капица, Иваненко, 1965, с. 40). После подписания этого договора в Ургу выехал полномочный представитель правительства РСФСР Н. М. Любарский (Орлова, 2026, с. 69).

После возвращения делегации, в конце 1921 года, в Урге была организована специальная комиссия по сбору в Монголии помощи Советской России и отправке ее в голодающие губернии. Возглавил эту комиссию боец Калмыцкого интернационального эскадрона Церен-Дорджи Номинханов (С интернациональной миссией, 1970, с. 23), известный впоследствии советский ученый-лингвист. Монгольское правительство сразу внесло в фонд помощи голодающим 1 000 лан серебра, а государственные служащие отчислили из своей заработной платы 4 189 руб. 31,5 коп. золотом. Первый денежный перевод был сделан через Номинханова в июле 1922 года. Всего же из Монголии к марту 1923 г. через аппарат Номинханова было отправлено голодающим 15 000 лан серебра (С интернациональной миссией, 1970, с. 23). Все денежные поступления, по мере их накопления, передавались лично полпреду РСФСР в Монголии товарищу Охтину, который затем отправлял их в Москву через свой аппарат (С интернациональной миссией, 1970, с. 86).

Следует отметить, что несмотря на формальное окончание гражданской войны в Монголии в августе 1921 г., боевые действия с разрозненными бандами, китайскими отрядами, остатками войск Унгерна и контрреволюционными силами продолжались до конца 1922 года (Улымжиев, 1961, с. 26). Поэтому сбор и отправка помощи для голодающих Советской России проходил в крайне сложных условиях в разоренной войной стране. Однако доставка этих гуманитарных грузов из Монголии в пострадавшие губернии Поволжья зачастую становилась настоящей обузой для советской стороны и могла в разы превышать себестоимость перевозимых товаров. Отказаться же от такой помощи советское правительство не могло по тем же политическим соображениям и дипломатическому этикету. Самым «дорогим подарком» Советской России в период борьбы с голодом 1921-1923 гг. стало стадо в 1 000 голов крупного рогатого скота, пожертвованного осенью 1922 г. для голодающих Поволжья монгольским правительством.

Осенью 1922 года в ЦК Помгол поступили сведения о том, что в Монголии собрано еще 1 000 – 1 500 голов скота для голодающих. Информация была передана в Народный комиссариат продовольствия (далее Наркомпрод) для организации приемки и доставки монгольского подарка. Заместитель народного комиссара продовольствия А. П. Смирнов направил 2 октября в Иркутский наркомпрод срочную телеграмму следующего содержания: «Монголправительство сдает РСФСР крупный скот приблизительно 2 500 голов ТЧК Наркомпрод предлагает под вашу личную ответственность принять этот скот ТЧК Место приемки на монгольской территории устанавливается вашим усмотрением ТЧК Скот имеет перегнать ваши бойни и забить в общем порядке ТЧК приемка производится совершенно в срочном порядке не позднее 15 октября комиссией по два представителя от вас и Монголии по актам указанном количестве скота живого веса упитанности не ниже среднего соблюдением ветеринарных правил ТЧК Назначенное вами место приемки скота фамилии высылаемых представителей немедленно телеграфируйте Ургу Любарскому равно запросите точное количество ЗПТ вес скота и соотноситесь с ним по вопросам дела ТЧК Из общего количества около тысячи сдается монголправительством для ПОМГОЛА ЗПТ остальное для погашения долга перед РСФСР ТЧК Приемка скота и подгон к бойням должен быть произведен безоговорочно кратчайший срок ТЧК» (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 2).

Распоряжение Наркомпрода было спущено Иркутским губернским продовольственным комитетом (далее Губнаркомпродом) в губернский отдел распределения (далее Губраспред). Иркутские продовольственные и заготовительные органы, прекрасно зная и понимая местные условия, сумели убедить губернские партийные органы в том, что в такие сроки невозможно осуществить приемку и забой скота из Монголии. 18 октября Президиум Иркутского губкома РКП(б) постановил поставить перед ЦК РКП(б) и Сибирским бюро ЦКРКП вопрос о невыгодности заготовки скота в Монголии и отложить таковую до весны (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 67об). Головная организация Иркутского губнаркомпрода Сибирский продовольственный комитет (далее Сибпродком), который состоял из бывших колчаковских министров и служащих, хорошо знакомых с местными условиями и продовольственной ситуацией (Савин, Журавлев, 2023, 538-540), поддержал это обращение. Однако Москва и полпред РСФСР в Монголии Любарский категорически настаивали на скорейшей приемке.

19 октября Губраспред составил развернутую докладную записку, в которой по пунктам указал главнейшие проблемы в приемке, транспортировке и забое скота из Монголии. Особое внимание обращалось на следующие аспекты:

«1. Операция чрезвычайно поздняя по особенностям Монголии, займет времени около 1,5 месяцев; скот, если удастся подогнать к станции Кутлук, будет забит не ранее середины декабря.

2. По Монголии скот пойдет около 20 дней по снегу без корма, кроме подножного, по тракту придется кормить сеном 20-25 ф[унтов] на голову в 10 кормежных пунктах.

3. Неправильна точка зрения Наркомпрода, что можно принимать скот не ниже средней упитанности – ведь скот пожертвованный уже собран и придется взять то, что предъявят к сдаче Монголвласти. В этом случае придется дать право нашим приемщикам особо слабые экземпляры обменять на месте у населения – иначе такие экземпляры по дороге очень трудной будут падать и их за отсутствием какой бы то ни было возможности к ликвидации придется просто бросать; заменой на месте если много и не выиграем, зато будет соблюдена хоть хозяйственность и внешняя сторона взаимоотношений.

4. По телеграмме Наркомпрода нужно принять на границе, а Любарский сообщает, что скот находится в Мурэн-Курене, т. е. в 200 верстах (1 верста – 1,06668 км – *прим. Г.Ц.*) от границы по очень плохой местности. Хотя мы и будем настаивать на подгоне, но власти Монголии, несомненно, уклонятся от выполнения этого требования, и придется принимать там, где скот находится сейчас» (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 15).

В той же записке был представлен план по организации и приемке скота, составленный начальником Губраспреда Николаевым. В общих чертах план заключался в следующем:

«Из Иркутска выезжает на днях тов. Шевелев и спец. Никифоров с оружием и документами в Тунку – где нанимают 25-26 человек скотогонов на их лошадях и харчах, а в Мондах берут с собой ветврача или фельдшера и спешным порядком едут через Хотхыл в Мурэн – где принимают гурты или узнают их местонахождение, согласовывают вопрос техники приемки и выполняют приемку, клеймят, формируют гурты и направляют через Ури на Туран-Кутлук, где на нашей бойне забивается; совершенно отдельно оформляется выход. Шевелев в Иркутске сдает отчет об операции» (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 15).

Материальная сторона операции также была разбита на пункты:

«а) Наши представители должны иметь аванс лучше крупными банк[нотами] серебром 500 рублей.

б) Скотогоны нанимаются на своих лошадях и палатках, на плату за совзнаки, с обязательной выдачей 2 ф. мяса в день натурой.

в) Центросоюз заготавливает необходимое количество сена за плату натурой (товарами), только то количество, которое не сможет дать Бурпродком (Бурятский продовольственный комитет – прим. Г. Ц.) и Иррайпродком.

г) Спецу уплачивается по соглашению натурой тоже на его лошади и при принадлежностях около 500 пудов хлеба за всю операцию.

д) Вся операция будет стоить около 50 миллиардов рублей, т. е. 5,5 миллиона на пуд чистого мяса, не считая кожи.

Операция как очень поздняя будет довольно дорогая, но уклониться от приемки жертвованного чужправительства не вижу возможности; получится в конечном выводе, что ПОМГОЛ РСФСР приобретает от восьми с половиной до десяти тысяч пудов мяса по цене около 6 миллионов пуд» (ГАИО, р-14, оп. 1. д. 1485, л. 15).

В заключении докладной записки указывалось на важность для успешности операции подключения Окружного отдела Главного политического управления (далее ГПУ) нужно расшифровать (ООГПУ) для оказания всякого содействия уполномоченным по доставке скота, по их охране и «привлечении принудительного аппарата в случае необходимости» (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 15).

План был в целом принят и одобрен вышестоящими инстанциями. Главным уполномоченным по приемке скота был назначен товарищ Шевелев, которому, ввиду особой сложности предстоящей операции, была выдана подробная инструкция. Согласно этой инструкции, обязанность подготовить питательные пункты для скота на советской территории от монгольской границы до станции Култук была возложена на органы Центросоюза, который уполномочивался Помголом на окончательную приемку груза (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 141). Шевелев был обязан проверить готовность этих пунктов, однако Центросоюз не смог найти фураж и снабдить им эти пункты, что, в последствии, отразилось на всей операции.

В Хотхыл Шевелев и нанятые скотогоны добрались только 14 ноября, откуда на следующий день связались по прямому проводу с Иркутском (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 46). На месте оказалось, что скот в количестве 1000 голов был согнан еще полтора месяца назад и, в ожидании приемки, разогнан по стойбищам по всему хошуну (административно-территориальная единица во Внутренней Монголии – *прим. Г. Ц.*). На сбор стада воедино требовалось от 15 до 20 дней. Монгольские представители ожидали группу Шевелева в Мурэне, куда сгонялся остальной обещанный скот. По всей Монголии уже лежал снег и вероятное время прибытия в Иркутск, после сбора всего скота и его проверки, определялось Шевелевым не ранее середины января (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 46).

В ответ Шевелеву были переданы новые неприятные для него вводные: монгольское правительство уже собрало и настаивало на скорейшей передаче еще 2 000 голов скота для забоя в счет уплаты долгов за советские военные поставки. Этот скот также необходимо было перегонять на советскую территорию из Урги через Мурэн (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 46). Ввиду открытия новых обстоятельств, Иркутск приказал Шевелеву поступить следующим образом:

а) принять в Мурэне уже собранные скот и отправить его на советскую территорию;

б) немедленно после приемки выехать в Ургу, где вместе с полпредом Любарским выяснить насколько необходимо безотлагательно принять новый скот, можно ли перенести приемку на весну, оценить назначенный к передаче скот на предмет стоимости и упитанности поголовья (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 46).

27 ноября замначальника Сибирской заготовительной конторы (далее Замначсибзагот) Дмитриев доложил в Наркомпрод о ходе приемки подаренного Монголией скота. Опираясь на сведения, полученные от Шевелева и из Иркутска, он сообщал в центр следующее:

«- Мурэне уже собрано 1 000 голов скота для ЦК ПОМГОЛ, которые прибудут в Иркутск 10-15 января;

- Расходы Иркутска на эту операцию уже составляют 5 миллионов рублей;

- Любарский настаивает на немедленном принятии в Урге еще 2 000 голов скота в счет уплаты долга РСФСР, однако в Монголии уже лежит глубокий снег, расстояния до Троицкосавска 300 верст, Верхнеудинска 500 верст, фуража на пути нет, сена достать нельзя, массовая гибель скота в пути неизбежна – приемка в сложившихся условиях приведет только к катастрофе;

- Зимовка переданного скота в Урге также будет способствовать только его гибели и большим расходам советской стороны;

- Иркутский губернский продкомиссар дважды докладывал об обстановке в Наркомпрод, однако ответа не получил. Сибзагот целиком поддерживает мнение Иркутска о невозможности приемки еще 2 000 голов скота в Урге и просит Наркомпрод отложить эту приемку, несмотря на требования Наркомата иностранных дел и Любарского» (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 58).

В конце декабря 1 000 голов скота вышли из Мурэна, но до Хатхыла дошли только 730 животных. Там же, на месте, из-за недостатка фуража для дальнейшего пути, они были забиты на мясо, сало и шкуры. Для доставки этих грузов до ближайшей железнодорожной станции Култук, Иркутский губпродком заключил 2 января 1923 г. договор с жителем села Тунке Бурятской автономной области В. С. Вишняковым, по которому тот обязался доставить мясо, шкуры и сало из Хатхыла в Култук, где погрузить весь груз в эшелон Наркомпрода. Плата за доставку составляла по 1 руб. 60 коп. золотом за каждый пуд, причем оплата производилась не деньгами, а солью, хлебом и чирочной кожей на эту сумму (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 89).

4 января иркутский губпродкомиссар Плио лично известил Наркомпрод о текущем состоянии дел. К этому времени удалось убедить Любарского в невозможности зимней приемки дополнительных 2 000 голов скота, и тот смог уговорить монгольское министерство финансов отложить передачу означенного скота до июля 1923 года (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 96). Товарищ Плио также оправдывал необходимость забоя уже принятого скота в Хатхыле отсутствием фуража, и сообщал, что все полученные от забоя продукты уже переправляются гужевым транспортом на станцию Култук (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 96). Доставка и погрузка мяса в эшелон заняли еще несколько суток, и только в середине января груз был отправлен в европейскую часть России.

Заключение

Таким образом, на основе изучения и анализа привлеченных архивных материалов, представляется возможным сделать следующие выводы о монгольской помощи голодающим Советской России в 1921-1923 гг. и ее специфики.

Гуманитарная помощь Монголии была сравнительно невелика, особенно в сопоставлении с объемами поставок крупных европейских и американских организаций, таких как Нансеновский комитет или Американская администрация помощи (АРА). Кроме того, ее доставка, в силу экономических, политических, географических и др. факторов, стоила советскому правительству внушительных затрат. Однако, не оказав решающего влияния на преодоление голодного бедствия, эта помощь все равно сыграла определенную роль как в деле спасения голодающих, так и в отношениях между нашими странами.

Вся операция по приемке скота в Монголии, доставки его на советскую территорию, забою и передаче мяса в голодающие губернии заняла почти 3 месяца: от составления плана по ее проведению 19 октября 1922 г. до отправки из Култука заготовленного в Хатхыле мяса в середине января. Расходы Иркутских продовольственных органов на ее проведение составили 5 миллионов рублей, несколько десятков пудов крайне дефицитных товаров (соль, кожа). Кроме того, мясо 30 животных, пригнанных в Хатхыл, пошло в уплату 25 скотогонам и доставщикам мяса в Култук по договору с Иркутским губраспредом. Всего же из стада в 1 000 голов до Хатхыла смогли дойти только 730 животных (ГАИО, р-14, оп. 1, д. 1485, л. 58).

Несмотря на то, что прием и доставка мяса обошлись советскому правительству и органам власти несоизмеримо дороже стоимости самого монгольского «подарка», эта операция имела определенное значение. Приняв этот подарок, советская сторона не только улучшила дипломатические отношения с Монгольской республикой, но также смогла использовать его для поднятия духа голодающего населения: «Помощь ото всюду», такие заголовки в губернских газетах Поволжья развеивали представления голодающих о том, что они брошены один на один со своей бедой. Наоборот, читая новостные сводки, что помощь идет со всех уголков страны и мира, они обретали моральные силы держаться до своего спасения и нового урожая. И вклад Монголии в укрепление этого духа представляется несомненным.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно определить комплексное изучение монгольской гуманитарной помощи голодающим Советской России в контексте международной обстановки и внутренней политики РСФСР и Монголии.

Материалы исследования | Research materials

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 28.
2. ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Р-14. Оп. 1. Д. 1485.
3. С интернациональной миссией: воспоминания участников Монгольской Народной революции. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1970.

Источники | References

1. Батунаев Э. В. «Монгольский вопрос» в советско-китайских отношениях (1921-1925 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. №. 1.
2. Капица М. С., Иваненко В. И. Дружба, завоеванная в борьбе: советско-монгольские отношения. М.: Международные отношения, 1965.
3. Красовицкая Т. Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917-1923 г.): документы и материалы. М.: ИРИ РАН, 2007.
4. Курас Л. В. Монгольская революция 1921 года как продолжение «революции в Колчакии» // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. Новосибирск: Параллель, 2022. https://doi.org/10.31518/978-5-98901-255-8-294-305
5. Нанжидмаа Х., Изгарская А. А. Векторы интеграции системы образования Монголии: к проблеме эволюции российско-монгольского партнерства // Respublica literaria. 2025. Т. 6. №. 4.
6. Орлова К. В. Бюллетени Полномочного представительства СССР в Монголии: по материалам РГАСПИ // История и архивы. 2026. Т. 7. №. 4. https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-4-64-79
7. Очху Э. Исторические аспекты зарождения и становления военно-политических отношений между Монголией (МНР) и Россией (СССР) (1860-1939 гг.) (1860-1939 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. №. 4.
8. Савин А. И., Журавлев В. В. Частная амнистия. Как сибирские большевики амнистировали колчаковских министров // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3.
9. Улымжиев Д. Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1961.
10. Хишигт Н. К вопросу о монголо-российских отношениях в период Монгольской революции 1921 года // Journal of International Studies. 2011. No. 4.

Информация об авторах | Author information

RU **Циденков Григорий Геннадиевич**[1], к. соц. н.
[1] Самарский государственный социально-педагогический университет

EN **Grigoriy Gennadievich Tsidenkov**[1], PhD
[1] Samara State University of Social Sciences and Education

[1] *gcidenkov@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.09.2026; опубликовано online (published online): 16.11.2026.

Ключевые слова (keywords): голод 1921-1923 гг; советско-монгольские отношения; иркутские продовольственные органы; доставка монгольской помощи; famine of 1921-1923; Soviet-Mongolian relations; Irkutsk food supply agencies; delivery of Mongolian aid.